

Инфантьев Порфирий Павлович

**Мурманские зуйки; Мурман.
Рассказ из жизни поморов.
Очерк**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П60

П60 **Порфирий Павлович И.**
Мурманские зуйки; Мурман. Рассказ из жизни поморов. Очерк / Инфантьев
Порфирий Павлович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 40 с.

ISBN 978-5-519-87125-9

ISBN 978-5-519-87125-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Что подѣлаешь? Не по міру же ихъ пускать. Надо какъ-нибудь хлѣбъ-то зарабатывать. Сказано въ писаніи: «Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой». Семья у нихъ громадная, и все малъ мала меньше. Отецъ-то въ прошломъ году померши, а взрослыхъ работниковъ никого не осталось. Ну вотъ и приходится съ такихъ малыхъ лѣтъ разсовывать по чужимъ людямъ. Спасибо и за то, что хоть дядя выискался, принялъ въ нихъ участіе: прислалъ вотъ имъ и на билеты для проѣзда до Архангельска.

Мальчики тѣмъ временемъ поднялись на палубу, которая тоже оказалась переполненной пассажирами. Вездѣ былъ народъ. Сидѣли, стояли, лежали всюду, гдѣ только было возможно: на скамейкахъ, подъ скамейками, въ проходахъ, на ларяхъ, на куляхъ, — словомъ, рѣшительно негдѣ было шагу ступить. Мужчины, женщины, дѣти, парни, дѣвушки, — всѣ перемѣшались въ одну общую кучу.

Больше всего ѣхало богомольцевъ, отправлявшихся въ Соловки.

— Глянь-ка, Сеня: куда это народъ-то поднимается еще выше? Можетъ-быть, и намъ можно? — сказалъ младшій изъ братьевъ, указывая на лѣсенку, ведущую на верхнюю палубу парохода, гдѣ помѣщались мостки капитана.

— И то. Пойдемъ и мы, Ваня. Можетъ-быть, не прогонять! — отвѣтилъ Сеня.

И мальчики несмѣло стали подниматься влѣдъ за другими на верхнюю некрытую палубу.

— Э, вотъ гдѣ хорошо-то все видно! — съ восторгомъ произнесъ младшій братъ, увидя расплывшійся передъ ихъ глазами просторъ широкой рѣки.

Но верхняя палуба тоже оказалась вся сплошь устланной пассажирами, точно мухами, налипшими къ меду. Многіе еще спали, растянувшись прямо на полу, другіе сидѣли или, за неимѣніемъ мѣста, стояли. Даже у самого края палубы виднѣлись неподвижно распростертые пассажиры, — того и гляди, кто-нибудь скатится въ воду. Казалось, налетитъ пароходъ на мель или ударься обо что-нибудь, и тотчасъ же съ него посыплется въ рѣку люди, какъ сыплется спѣлые плоды съ дерева, когда потрясутъ стволъ.

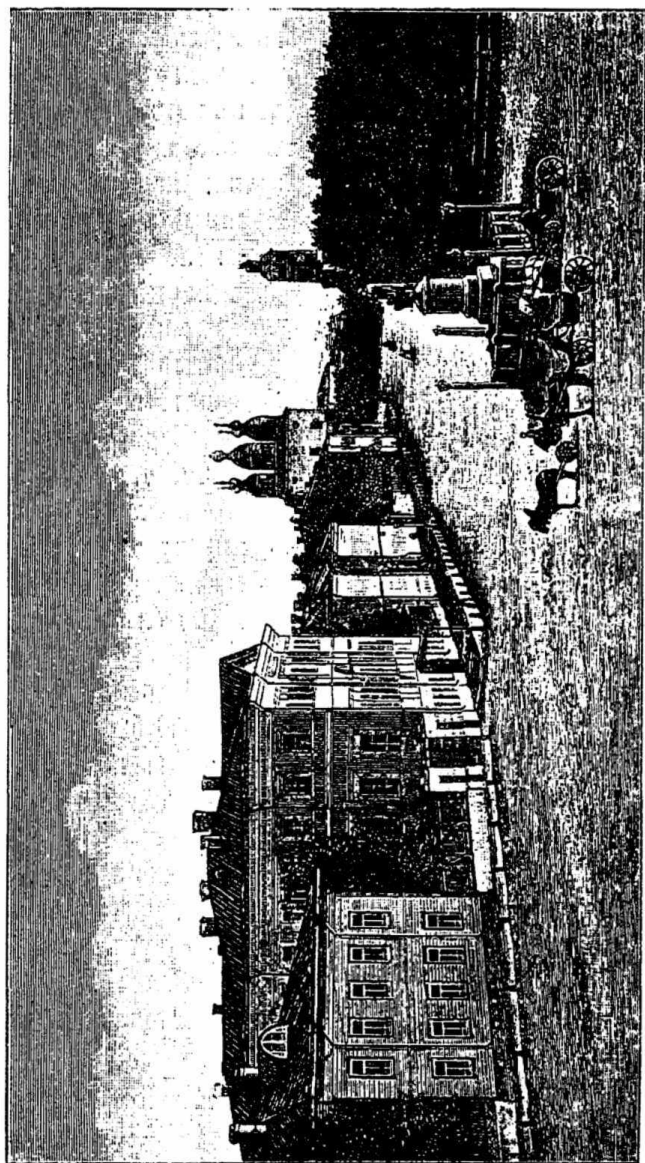
Не найдя болѣе удобнаго мѣста, мальчики прислонились къ стѣнкѣ капитанской рубки и съ восхищеніемъ стали смотрѣть на разстилавшуюся передъ ними картину.

Берега Сѣв. Двины отъ Холмогоръ до Архангельска очень густо населены, села и деревни виднѣются повсюду. Двина течетъ здѣсь въ холмистыхъ, покрытыхъ густыми лѣсами берегахъ. Пароходъ то и дѣло обгоняетъ караваны барокъ съ вятскимъ и волжскимъ хлѣбомъ, овсомъ и льномъ и плоты съ бочками соломы и пеку*) и съ лѣсомъ, болѣе всего съ лѣсомъ. Иногда на этихъ обширныхъ плотяхъ виднѣются шалашики и даже цѣлые небольшіе домики, иногда бѣлыя палатки для защиты отъ дождя и непогоды. Тутъ, на этихъ плотяхъ, медленно движущихся внизъ по рѣкѣ, идетъ своя жизнь...

Для Сени и Вани было все ново: и эта обширная рѣка, и пароходъ, на которомъ они ѣхали въ первый разъ въ жизни, и люди, ихъ окружавшіе. До сихъ поръ они росли въ своей захолустной деревушкѣ и, кромѣ нея, не видѣли ничего. Правда, они оба посѣщали школу и изъ рассказовъ учителя знали о существованіи другой жизни, иной, чѣмъ ихъ деревенская, о другихъ странахъ и народахъ, но только теперь передъ ихъ глазами открывалась эта другая жизнь, другой для нихъ міръ. Они озирались вокругъ и присматривались ко всему. Сначала они всего боялись, но мало-по-малу начали осваиваться, стали ходить по пароходу, заглядывать въ машинное отдѣленіе и разсматривать, какъ тамъ работала машина, приводимая какою-то непонятною для нихъ силой въ движеніе.

Имъ было и жутко и весело. Будущаго они не боялись, потому что были еще въ такомъ возрастѣ, когда не думаютъ о будущемъ. Они слышали много страшныхъ рассказовъ о жизни промышленниковъ на Мурманѣ, но эти рассказы только дразнили ихъ любопытство, и имъ самимъ хотѣлось посмотреть, что это за невѣдомая страна, гдѣ солнце по цѣлымъ мѣсяцамъ не заходитъ и стоитъ на небѣ круглый день. Къ тому же они знали, что съ ними будетъ дядя, котораго они хотя еще ни разу не видали, но представляли себѣ такимъ же добрымъ, какимъ былъ и ихъ отецъ.

*) Варъ, сгущенная смола.

Архангельскъ. Ломоносовская площадь.

— Вонъ ужъ видѣется деревня Уйма. Скоро, значить, и Архангельскъ!—произнесъ одинъ изъ пассажировъ, указывая рукою на показавшіяся на правомъ берегу рѣки дома деревушки, растянувшейся на нѣсколько верстъ вдоль рѣки.

Мальчики съ любопытствомъ начали вглядываться вдаль, желая поскорѣе увидать тотъ городъ, въ которомъ жилъ ихъ дядя.

Вотъ миновали деревню, вотъ показался какой-то заводъ, вотъ лѣсопилка, вотъ каменные зданія пеньковаго, льняного и смоляного буяновъ *), а вотъ и церкви и длинное огромное зданіе таможни г. Архангельска, узкою лептою протянушагося вдоль праваго берега рѣки на разстояніи цѣлыхъ пяти верстъ.

Пароходъ пздаль продолжительный свистокъ и остановился у пристани возлѣ Архангельскаго монастыря.

Пассажиры торопливо начали высыпать на берегъ.

— Ребятки*, гдѣ вы? А я васъ ищу. Берите свое имущество, да надо выходить! Не отставайте отъ меня, чтобы намъ не растеряться!—раздался за спиною дѣтей голосъ старика, стоявшаго съ котомкой за плечами и державшаго въ рукахъ два ребячьи мѣшка, нагруженные одеждою, бѣльемъ и другимъ скарбомъ.

Закинувъ мѣшки на спину, мальчики слѣдомъ за старикомъ пошли по сходямъ на берегъ.

Старикъ зналъ, что дядя спроть жилъ въ предмѣстьѣ города—въ слободкѣ Соломбалѣ, куда можно было попасть съ монастырской пристани, только пройдя черезъ весь городъ.

Ребята, въ первый разъ еще въ своей жизни попавшіе въ большой городъ, съ удивленіемъ пялили свои глаза на большіе дома, на церкви, на разныя казенныя зданія, на набережную, на деревянные тротуары и на сады.

— Дѣдушка, кто это?—остановился вдругъ Валя, съ удивленіемъ увидавъ на площади большой гранитный, обнесенный желѣзною рѣшеткою столбъ, на которомъ стояло изображеніе какого-то человѣка.

— А это, дѣтки, памятникъ мужичку Ломоносову!—сказалъ, останавливаясь, старикъ, уже кое-что слыхавшій про знаменитаго архангельскаго крестьянина.—Онъ жилъ еще во время ма-

*) Мѣста для выгрузки и временнаго склада товаровъ.

тушки Екатерины, — давно это было, — и ушелъ изъ своей деревни Денисовки, возлѣ Холмогоръ, въ Питеръ учиться; выучился тамъ грамотѣ, а потомъ сдѣлался первѣющій человѣкъ у царицы. Вотъ ему и поставили этотъ памятникъ, чтобы на вѣчныя времена знали, каковъ былъ нашъ братъ мужичокъ.

Ребята, тоже слыхавшіе уже о Ломоносовѣ отъ школьнаго учителя, съ любопытствомъ обошли вокругъ памятника и затѣмъ направились къ находившейся за рѣкой Кузнечихой Соломбалѣ, гдѣ ютились преимущественно матросы, рабочіе и промышленники.

Разыскавъ домъ, какой надо было, путники вошли черезъ калитку во дворъ, гдѣ развѣшивала мокрое бѣлье какая-то женщина.

— Ба, дѣдушка Игнатій, здравствуй, милости просимъ! Это, должно-быть, мои милые племяннички? Вотъ какая радость! Здравствуйте, здравствуйте! — заговорила женщина, обнимая мальчиковъ.

Это оказалась тетка Арина, родная сестра матери сиротъ.

Тетушка Арина не видалась со своею сестрою уже много лѣтъ и была глубоко опечалена, когда узнала, что та овдовѣла, оставшись съ цѣлою кучею ребятъ на рукахъ. Арина посовѣтовалась съ мужемъ, и они рѣшили выписать къ себѣ двухъ старшихъ племянниковъ, такъ какъ у самихъ у нихъ дѣтей не было.

Тетка повела гостей въ домъ и не знала, какъ и чѣмъ ихъ угостить. Мужа ея въ это время дома не оказалось, — онъ гдѣ-то хлопоталъ передъ отъѣздомъ на Мурманъ.

Начались разпросы про сестру, про ея житье-бытье. Тетка Арина не разъ всплакнула, слыша про бѣдственное положеніе оставшейся послѣ смерти отца семьи.

Но вотъ вскорѣ вернулся и самъ хозяинъ.

— Ба, никакъ зуйки пріѣхали? Вотъ и отлично! Скоро, значить, отправимся въ путь! — весело обратился онъ къ прибывшимъ племянникамъ, здороваясь съ ними.

Это былъ еще не старый мужикъ, лѣтъ подъ сорокъ. Средняго роста, коренастый, съ широкой темно-русой бородой, съ карими большими глазами и правильнымъ носомъ, онъ выглядѣлъ очень солиднымъ и смышлевымъ мужикомъ. Красивое русское лицо его дышало силой и готовностью на любую работу. Такихъ людей немало среди архангельскихъ поморовъ.

Трофимъ Степановичъ,—такъ звали дядю ребятъ,—былъ кореннымъ жителемъ Архангельска. Со своею теперешнею женою онъ познакомился на богомольѣ, когда ѣздилъ, еще будучи холостымъ, въ Соловки. Знакомство ихъ произошло случайно на пароходѣ во время обратнаго возвращенія изъ монастыря. Дѣвушка очень ему понравилась, и по прибытіи въ Архангельскъ онъ пригласилъ ее вмѣстѣ съ

Поморы.

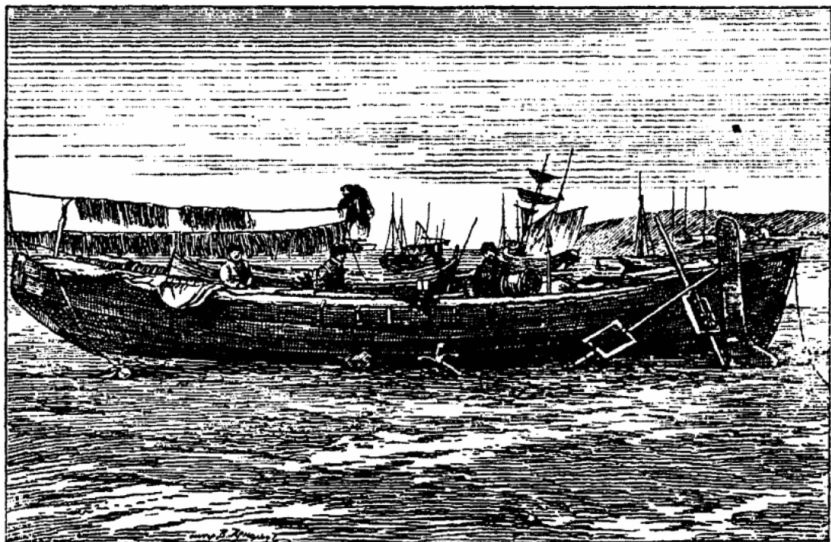
ее спутниками къ себѣ въ гости напиться чайку и отдохнуть. Въ то время онъ жилъ только со своею матерью, отца его въ живыхъ уже не было, и онъ былъ единственнымъ поильцемъ - кормильцемъ старушки. Его матерп тоже понравилась молоденькая скромная богомолка.

Вскорѣ послѣ этого знакомства Трофимъ съѣздилъ въ деревню, гдѣ жила Арина, и засваталъ ее. Они поженились. Трофимъ перевезъ свою молодую жену въ Архангельскъ, и они зажили счастливо. Послѣ

смерти свекрови Арина сдѣлалась полной хозяйкой въ домѣ и стала завѣдывать хозяйствомъ мужа, въ особенности, когда онъ по лѣтамъ отправлялся на промыслы на Мурманъ. Эти промыслы хотя и сопряжены съ опасностями, но зато очень прибыльны, и Трофимъ не хотѣлъ ихъ бросать. Дѣтей у нихъ не было. Предвидя приближеніе старости и въ то же время не желая бросать доходные промыслы, которые съ каждымъ годомъ расширялись все болѣе и болѣе, Трофимъ имѣлъ тайное намѣреніе передать ихъ со временемъ какому-либо близ-

кому человѣку, который могъ бы ихъ продолжать. Какъ разъ въ минувшемъ году померъ братъ его жены, оставивъ сиротъ, и Трофимъ рѣшилъ усыновить ихъ, если только они окажутся дѣльными малыми.

— Ну, ребята, погуляйте у насъ здѣсь нѣсколько деньковъ, а тамъ можно будетъ и въ путь. А ты, Ариша, пока что, научи ихъ стряпать: они будутъ у насъ на промыслахъ кашеварами.

Рыболовная шняка съ принадлежностями.

Аринѣ очень хотѣлось оставить младшаго изъ братьевъ при себѣ, но мужъ и слушать объ этомъ не хотѣлъ: ребята, по его мнѣнію, съ малолѣтства должны были привыкать къ промысловой жизни, чтобы сдѣлаться потомъ настоящими поморами. Да къ тому же они и нужны были на промыслахъ, — иначе, все равно, привелось бы нанимать чужихъ.

Братья были очень довольны такимъ рѣшеніемъ, такъ какъ имъ не хотѣлось разстаться другъ съ другомъ.

Ребята оказались очень смышленными, и Арина скоро передала имъ всѣ свои знанія по кухонной части: она научила ихъ, какъ заводить квашню, какъ стряпать и печь хлѣбъ, какъ варить щи и уху, какъ жарить, какъ готовить кашу и проч.

Вотъ насталъ и день отъѣзда. Передъ отправленіемъ въ путь отслужили молебень. Священникъ окропилъ св. водою новенькую трехмачтовую шкуну, только-что построенную въ этомъ году и снабженную всѣми необходимыми принадлежностями для лова трески, составляющаго главный промыселъ поморовъ на Мурманѣ.

Распростившись съ Ариной, Трофимъ и его племянники вошли на шкуну, гдѣ уже сидѣли отправлявшіеся съ ними промышленники; матросы натянули паруса, и судно, подгоняемое попутнымъ вѣтромъ, направилось къ устью Сѣв. Двины, а изъ него на открытый просторъ Бѣлаго моря...

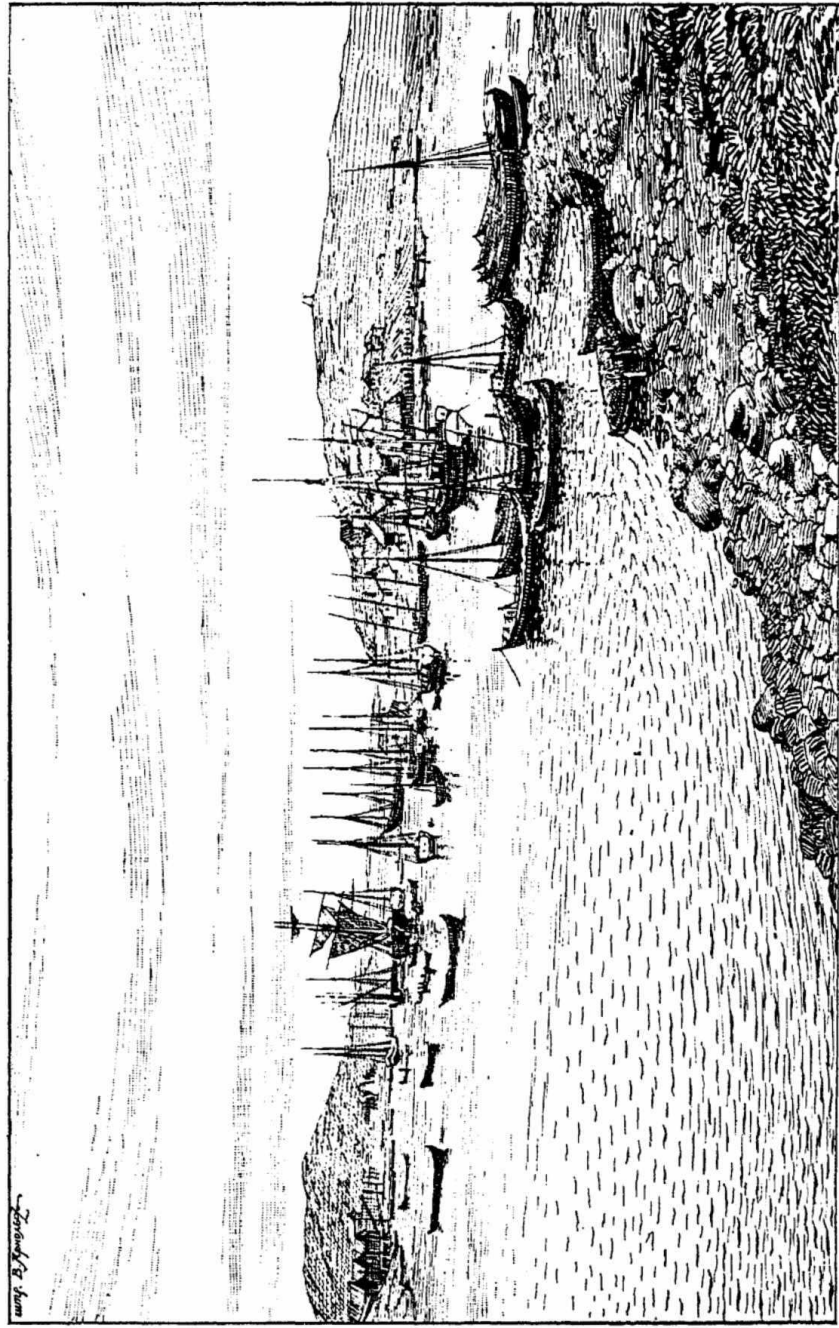
Путь предстоялъ немалый. Надо было переѣхать черезъ все Бѣлое море, обогнуть Терскій берегъ Кольскаго полуострова, выйти въ Сѣв. Ледовитый океанъ и затѣмъ уже попасть на Мурманъ. Къ счастью, вѣтеръ все время былъ благопріятный, льдовъ въ эту весну въ Бѣломъ морѣ уже нигдѣ не было видно, и на четвертый день они обогнули уже Святой носъ и поплыли вдоль скалистыхъ береговъ Мурмана на западъ, къ той бухтѣ, гдѣ находилось становище Трофима.

III.

Для нашихъ маленькихъ мореплавателей было все здѣсь ново и любопытно, — и эта безпредѣльная гладь моря, которой не видѣлось ни конца ни краю, и этотъ непрерывный день, когда они подвинулись подальше на сѣверъ. Они видѣли, какъ въ теченіе дня солнце поднимается кверху и, описавъ по небу дугу, опускается снова книзу, но вмѣсто того, чтобы закатиться и скрыться, опять начинаетъ подниматься. Ночь еще не наступила, а уже снова начинался день, и солнце, описывая круги, непрерывно все время оставалось видимымъ на небѣ. Это ихъ больше всего изумляло, и они долго не могли привыкнуть, когда же нужно ложиться спать, когда вставать.

Была середина мая, и стояла тихая, ясная погода, — когда шкуна, подгоняемая легкимъ свѣжимъ вѣтеркомъ, причалила въ глубоко вдающуюся въ берегъ бухту, къ тому становищу, гдѣ между другихъ становъ находился и станъ Трофима.

Ловъ трески еще не начался, но всѣ ждали, что рыба должна скоро пойти. Въ ожиданіи ея появленія прибывшіе занялись пока

Становище Гаврилого.

приведеніемъ своей хижины въ порядокъ. Трофимъ привезъ съ собой изъ Архангельска небольшой запасъ кирпичей, чтобы устроить въ своемъ стану, вмѣсто обыкновенной желѣзной, русскую печь, въ которой можно было бы печь хлѣбъ и варить щи, и вотъ теперь занялся ея устройствомъ.

Въ прежніе годы въ стану у Трофима была такая же грязь и неустройство, какъ и у всѣхъ другихъ промышленниковъ на Мурманѣ, но въ этомъ году, когда онъ привезъ на промыслы своихъ племянниковъ, послѣдніе придали хижинѣ болѣе или меньше жилой и уютный видъ. Когда появилась рыба и начались промыслы, они каждый разъ по отъѣздѣ промышленниковъ въ море чистили и подметали станъ и вообще заботились о поддержаніи его въ должномъ порядкѣ. И это не могло не отражаться на настроеніи Трофимовыхъ покрученниковъ *). Въ свободное отъ работы время они меньше пьянствовали, чѣмъ въ другихъ станахъ, меньше безобразили.

Въ другихъ станахъ зуйки были почти вездѣ наемными и подневольными, зависѣвшими не только отъ хозяина, но и отъ всякаго взрослого покрученника. Положеніе ихъ было ужасное, трудиться ихъ заставляли хозяева до невозможности. Кромѣ кашеварства, на нихъ часто возлагали самую тяжелую работу: быть наживодчиками и ѣздить вмѣстѣ съ взрослыми въ море. Имъ отдохнуть было некогда отъ работы, и надъ ними не издѣвался только лѣнивый, и не у кого имъ было искать защиты. Понятно, что при такихъ условіяхъ имъ было не до того, чтобы заботиться о чистотѣ въ стану: лишь бы только какъ-нибудь послѣ каторжнаго дня добраться до постели. И такъ какъ, благодаря этому, никто не слѣдилъ за чистотой и убранствомъ стана, то онъ приходилъ въ такое состояніе, что даже не всякій звѣрь сталъ бы въ немъ жить. А это, въ свою очередь, отзывалось на настроеніи измученныхъ денною работою промышленниковъ, которые вымещали свое недовольство на тѣхъ же зуйкахъ, и такимъ образомъ ссоры и брань въ такой обстановкѣ не прекращались.

Сеня и Ваня, какъ хозяйскіе племянники, находились срав-

*) Покрученниками называются помощники хозяина лодокъ и рыболовный снастей, получающіе отъ него извѣстную часть улова.